

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ:
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

СБОРНИК ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ

**МОСКВА
2016**

ББК 86.2

Серия
«История России»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел истории

Ответственный редактор – канд. ист. наук
О.В. Большакова

Ответственный за выпуск – *И.Е. Эман*

Религия и церковь в истории России: Современная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Большакова О.В. – М., 2016. – 210 с. – (Сер.: История России).

ISBN 978-5-248-00810-0

На материале исследований конфессий, представленных на территории России, рассматривается история религиозных институтов, анализируется место религии в жизни различных слоев общества и ее роль в формировании идентичности. Особое внимание уделяется конфессиональной политике на окраинах Российской империи.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 86.2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Религиозная проблематика в современной историографии России.....	5
---	---

РЕЛИГИОЗНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

<i>Кабузан В.М.</i> Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917). (Реферат).....	23
<i>Пярт И.</i> Старцы: Харизма и традиция в русском православии	32
О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (К изучению биографического и религиозного нарратива). (Реферат).....	39
<i>Цимбаева Е.Н.</i> Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX в. (Реферат).....	49
<i>Кефели А.</i> Стать мусульманином в императорской России: Обращение, отступничество и грамотность. (Реферат).....	56
Священные истории: Религия и духовность в России Нового времени. (Реферат).....	63

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>О.В. Большакова.</i> Конфессиональная политика Российской империи: Англоязычная историография. (Аналитический обзор).....	72
<i>Верт П.</i> Иностранные вероисповедания под властью царя: Веротерпимость и судьба религиозной свободы в императорской России. (Реферат).....	109

<i>Долбилов М.Д.</i> Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. (Реферат).....	125
<i>Смирнова И.Ю.</i> Россия и Англия в Святой земле в канун Крымской войны. (Реферат)	133
<i>Кейн А.</i> Русский хадж: Империя и паломничество в Мекку. (Реферат).....	141

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

<i>Косик О.В.</i> Голоса из России. Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР. (1920-е – начало 1930-х годов). (Реферат).....	149
<i>Никольская Т.К.</i> Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. (Реферат).....	159
<i>Альтишулер М.</i> Религия и еврейская идентичность в Советском Союзе, 1941–1964. (Реферат).....	170
<i>Люрман С.</i> Секуляризм по-советски: Проповедь атеизма и религии в Поволжской республике. (Реферат)	177
<i>Бернштейн А.</i> Религиозные политические тела: Ритуалы суверенитета в бурятском буддизме. (Реферат).....	184

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБРАЗЫ, ПОНЯТИЯ, ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Рок С.</i> Народная религия в России: «Двоеверие» и создание научного мифа. (Реферат)	192
<i>Парпней К.</i> «Древнейший в России»: Формирование историографического образа Валаамского монастыря. (Реферат).....	197
<i>Дейч Н.</i> Еврейский тёмный материк: Жизнь и смерть в российской черте оседлости. (Реферат).....	205

ПРЕДИСЛОВИЕ. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ

Необходимость осветить религиозную проблематику в рамках отдельного сборника давно назрела¹. И в отечественных, и в зарубежных исследованиях религиозное измерение российской истории обрело актуальность в период перестройки, и уже в 1990-е годы начали выходить в свет серьезные монографии, основанные на изучении архивных источников. За прошедшие 20 лет история религии и церкви в России превратилась в динамично развивающуюся область исследований как в нашей стране, так и за рубежом, хотя говорить о возникновении некой единой международной по своему характеру историографии не представляется возможным. Не будучи разделенными «железным занавесом» холодной войны, отечественная и зарубежная историографии религии и церкви имеют благодаря развитию научных контактов некоторые точки соприкосновения, однако же движутся каждая по своей траектории.

Критическим моментом в развитии обеих историографий явилось возрождение православной Церкви и религиозной жизни в годы перестройки, «открывшее» эту тему для исследователей и придавшее ей особую актуальность. В перестроечной и постсоветской России прежде запретная тема религии заняла одно из ключевых мест в движении по заполнению «белых пятен» советского

¹ См.: *Большакова О.В.* Православие Московской Руси: Современные тенденции в американской историографии. (Обзор) // Церковь и религиозное сознание Средневековой Европы: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – С. 90–107; *ее же.* Стирая границы: Современная англоязычная историографии религии и религиозности в императорской России. (Обзор) // Церковь и религиозное сознание в Новое и Новейшее время. Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. – М., 2009. – С. 23–61.

прошлого, которое захватило широкие слои общества; не остались в стороне и ученые, прежде всего историки. 1990-е годы отмечены настоящим бумом публикаций архивных документов, которые спонсировались и государством, и Церковью. Правда, довольно быстро «архивная революция» начала сворачиваться, особенно в отношении церковных архивов. Тем не менее на основе архивных изысканий в 90-е годы в России было защищено много кандидатских и даже докторских диссертаций, часть из них, хотя и небольшая, переросла впоследствии в монографии.

Главной темой исторических исследований в первое постсоветское десятилетие являлась антирелигиозная политика, основное внимание уделялось периоду 1920–1930-х годов. В большинстве своем и «светские», и церковные историки писали своего рода «хронику репрессий», причем зачастую с вполне практической целью – обосновать канонизацию мучеников, погибших от рук большевистского режима. Больше тематическое разнообразие наблюдалось в исследованиях дореволюционного периода, в частности появились работы, посвященные истории отдельных епархий и приходского духовенства. Однако серьезные научные проблемы российскими историками, за некоторыми исключениями, тогда не ставились, задачи сводились главным образом к восстановлению «исторической правды» и накоплению массива данных, которые интерпретировали с точки зрения отношений Церкви и государства.

В 1990-е годы в отечественной историографии возникает достаточно интересный феномен: происходит взаимопроникновение, а в каких-то аспектах даже слияние научного и церковного дискурсов. Бурно развивающаяся церковная история, активная издательская и образовательная деятельность православной Церкви, в частности, появление таких учреждений, как Свято-Филаретовский православно-христианский институт и Свято-Тихоновский православный университет, наконец, необычайное повышение авторитета религии в позднесоветском и постсоветском обществе в большой мере способствовали такому положению дел. В результате задавался определенный вектор для изучения религии: богословие, религиоведение, история Церкви и ее взаимоотношений с государством. Ситуация в отечественной историографии осложнена также появлением большого количества работ, претендующих на научность, но ни в коей мере таковыми не являющихся.

Таким образом, становление в 1990-е годы «светской» историографии, занимающейся изучением религиозного измерения

российской истории, происходило в исключительно трудных условиях. После долгих лет молчания следовало «заново научиться говорить», по выражению историка церкви и археографа Е.В. Беляковой (3). Предстояло строить практически «с нуля», чему явно не способствовал упадок профессионализма в отечественной науке, особенно заметный в приемах анализа архивных документов. На это печальное обстоятельство указал в своей обзорной статье американский историк-русист Грегори Фриз, один из самых авторитетных зарубежных специалистов по религиозной проблематике, который занимался этой темой в 1970–1980-е годы почти в одиночку¹. По мнению Фриза, именно дилетантский уровень анализа архивных источников (которые часто используются лишь с декоративной целью), а также нежелание привлекать материалы местных архивов не позволяют исследователям ставить новые научные проблемы и совершать «прорывы». Действительно, существует практика подхода к источникам, в том числе и архивным, как к сборнику готовых цитат, при помощи которых формируется авторское повествование. Однако отсутствие критики источников – лишь один из признаков угасающего профессионализма, который и является, собственно, причиной того, что в отечественной историографии не наблюдается массовых «прорывов».

Тем не менее за последние 20 лет в России было опубликовано немало научных монографий, касающихся религиозной проблематики. «Урожай» мог бы быть гораздо больше, учитывая количество защищенных диссертаций, однако и имеющийся корпус литературы можно считать солидным заделом. Среди них – серьезные работы Е.А. Вишленковой, В.М. Живова, А.С. Лаврова, Е.Б. Смилянкой и др., заставившие по-новому взглянуть на целый ряд аспектов российской истории (6, 11, 13, 16, 24). Основательно изучены разнообразные церковные институты, включая суд и образовательные учреждения (1, 3, 9, 26), получили рассмотрение история монашества, сельского духовенства и отдельных, в том числе нерусских, епархий (14, 17, 35). Гораздо меньше изучена благотворительность, хотя вышла монография Т.В. Панкрат (1985–2010) о благотворительной деятельности приходских попечительств (19). Особая тема – присутствие православной Церкви в Палестине и миссионерская деятельность (7, 15, 18), неразрывно

¹ Freeze G.L. Recent scholarship on Russian Orthodoxy: A Critique // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. – Bloomington, 2001. – Vol. 2, N 2. – P. 269–278.

связанная с изучением политики государства по отношению к иноверию (2, 27). Помимо православия исследуются и другие религии – ислам (2, 4, 10, 28, 29), буддизм (8, 32, 33), ставится задача изучения религиозного разнообразия Российской империи (27). Как и в ситуации с изучением православия, национальная историография в Татарии, Калмыкии, Бурятии балансирует между профессионализмом и дилетантизмом, причем эту грань нередко свободно переходит один и тот же исследователь.

Преобладающее положение в современной отечественной историографии религии занимает православие, и львиную ее долю составляет политическая история, сосредоточенная на проблемах управления и власти (в том числе такие разные работы, как: 12, 21, 23, 30, 31). И хотя существует понимание, что изучение православия должно включать в себя триаду «конфессия, институты, религиозность» (что нашло отражение в названии сборника: 22), «институты», несомненно, перевешивают. Более того, практически все, даже немногие по-настоящему новаторские работы остаются в рамках «парадигмы церковь – государство», как ее окрестил Фриз¹. Следует признать, что в существующем историографическом контексте социальная история, исповедующая «взгляд снизу», также не дает возможности выйти за эти строгие рамки. Гораздо большим потенциалом обладают в этом отношении этнология и антропология, которые занимаются изучением «народной религиозности» и повседневных практик благочестия (см.: 20, 25). Именно здесь наиболее заметны точки соприкосновения с зарубежной историографией, пережившей в 1990–2000-е годы бурный рост и также развивавшейся почти «с нуля».

Как и отечественная историография, занимающаяся религиозной проблематикой, зарубежная русистика получила мощный импульс для развития этого направления в годы перестройки. Открытие архивов имело особое значение для иностранцев, прежде испытывавших серьезные проблемы с доступом к источникам, теперь же, после окончания холодной войны и распада Советского Союза, получивших возможность свободного передвижения по стране для работы в провинциальных архивохранилищах. Однако не менее важными явились другие факторы, имевшие прямое отношение к исторической науке: это повышение интереса к религии

¹ Freeze G.L. Recent scholarship... P. 272. Основной пафос его статьи заключался в том, что за постсоветское десятилетие почти не появилось работ, в которых освещалась бы роль православия в истории общества и культуры России.

в общемировом масштабе в 1990-е годы и так называемый «культурный поворот», предложивший новое понимание культуры как конституирующего элемента социальной и политической жизни, что придало новое значение религиозной тематике.

Фактически в 90-е годы происходит «открытие» религии и пересмотр прежних секуляристских концепций общества и его эволюции. Получает приоритет культурологическое понимание религии как системы верований, символов и практик, которая носит всеобъемлющий характер и относится буквально ко всем сферам жизни индивида и социума. Наряду с традиционными церковной историей (church history) и религиоведением (religious studies) конституируется новая дисциплина – антропология религии, занимающаяся изучением сферы сакрального, что включает в себя многообразные формы человеческой деятельности и мир идей. Религия изучается антропологами в тесной связи с механизмами функционирования власти, при этом критикуется тенденция выделять религию в особую область, отдельную от политики, экономики, культуры и пр.

Для антропологии характерно критическое отношение к либеральным дефинициям религии, берущим за точку отсчета христианство и, соответственно, европоцентристским по существу. Считается, что они – продукт современного понимания мира, стремящегося структурировать его посредством «знания»; секуляризация в этом контексте предстает лишь составной частью «западного» либерального проекта, не позволяющего дать удовлетворительные объяснения «возвращению» религии на исходе XX в. и несомненному повышению ее роли в настоящее время.

В современной науке проводится различие между религией, определяемой теологически и институционально, и более широким понятием сакрального, что указало на необходимость изучать как «организованную» религию, так и сферу духовного опыта и осмысления «священного». В целом же происходит отказ от опоры на бинарные оппозиции, противопоставляющие религию науке (рациональному знанию), веру элиты – народным верованиям, светское – сакральному.

Однако не утрачивает своих позиций и социологический подход, интерпретирующий религию как отдельный институт в секулярном контексте либерального государства и как форму социальной идентичности. Это придало изучению религии особую актуальность в 1990-е годы, когда проблема формирования индивида находилась в центре внимания всех общественных и гуманитарных наук. В итоге религия обрела политическое измерение и

заняла важное место в исследованиях политики по отношению к населению¹.

Наступление «культурного поворота» совпало с важнейшим для зарубежной русистики моментом, когда после крушения коммунистической идеологии и окончания холодной войны начался пересмотр старых исторических схем и поиск новых методов, тем, подходов. Тема религии из разряда маргинальных превращается в одну из ключевых в изучении истории Российской империи, чему способствовало расширение учебных программ и защита все новых диссертаций. Список литературы за последние 15 лет, в совокупности с публикуемыми в настоящем сборнике материалами, дает достаточно полное представление о достижениях зарубежной историографии по религиозной проблематике. Основную ее часть составляет англоязычная литература, хотя следует отметить и вклад немецких русистов (58, 86), учитывая при этом, что монографии 1990-х годов остались за рамками настоящего сборника, равно как и журнальные публикации. Необходимо заметить, что помимо немецких имеется и ряд статей на французском и итальянском языках.

Таким образом, далее речь пойдет об англоязычной, в основном американской, русистике и о тех направлениях в изучении религиозной темы, которые реализовались в последние 15 лет. Сразу же следует отметить, что советский период, которым столь активно занимались отечественные историки, почти не получил рассмотрения за рубежом (76, 89). Основной массив литературы посвящен императорскому периоду, причем в ряде работ успешно преодолевается так называемый «разрыв 1917 года», что считается важным показателем «продвинутой» исследователя в американском сообществе русистов. В случае с религией этот момент следует отметить особо, поскольку обнаружить преемственность означает отрешиться от политики советского государства, которая, как известно, была прямо направлена на разрыв с прошлым, и обратить все свое внимание на социум, культуру, историю идей. Способствует новой перспективе и расширенное понимание политического (которое не исчерпывается указами и прямыми действиями режима), возникшее в условиях «культурного поворота».

Собственно, современные достижения в американской русистике и связаны с утверждением «культурной парадигмы», в ре-

¹ A companion to the anthropology of religion / Ed. by Boddy J., Lambek M. – Hoboken, NJ: John Wiley&sons, 2013. – P. 19–20.

зультате чего институциональная история утратила свое господствующее положение. Поэтому в современной зарубежной историографии мы найдем не так много исследований церкви как института; еще меньше работ посвящено традиционной теме взаимоотношений церкви и государства, да и здесь заметны определенные инновации. Например, в книге Дж. Бэзила акцент переносится на дебаты о синодальной системе, т.е. в область интеллектуальной истории (38).

В исследованиях православия Московской Руси наиболее отчетливо заметен переход от преимущественно институциональной к культурной истории. Здесь наблюдается отказ как от системы понятий, унаследованных от русских дореволюционных историков, которые переносили свое отношение к Церкви (реакционный институт) на далекое прошлое, так и от влиятельной концепции о существовании в Московии двух культур (ученой клерикальной и мирской), разделенных непреодолимым барьером. Не устроила многих историков и концепция «народной религии», также строящаяся на дихотомии, на этот раз «народный / элитарный». Привлечение новых видов источников, прежде всего визуальных — иконописи, настенных росписей, картографических материалов, а также изучение ритуалов и церемоний, в сочетании с критическим отношением к привычным методам и концепциям, позволило исследователям реконструировать целостную культуру Московии (с учетом региональных вариаций). Рассматривая православие в качестве основы (кирпичиков) культуры Московского царства (и распространяя это влияние на несколько веков вперед), зарубежные русисты показали, что оно обеспечивало системой понятий и символов все население страны, включая и неправославных¹.

Историки допетровского периода с большим энтузиазмом восприняли концепцию «живого религиозного опыта» (lived religion), что подразумевает «человеческое измерение» религиозности и подчеркивает взаимодействие и диалог в противовес строгим разграничениям, противостоянию, репрессиям, которые находились в центре внимания традиционной историографии (70). За последние десять лет эта концепция получила широкое признание в русистике и нашла отражение во многих монографиях и сборниках, посвященных также и императорскому периоду (42, 51, 52, 53, 60, 61, 79 и др.). В центре внимания исследователей находятся такие проблемы, как особенности православного благочестия, культура ду-

¹ Подробнее см.: Большакова О.В. Православие Московской Руси... С. 95–98.

ховного сословия, взаимоотношения прихода и церковных властей, формы почитания святых и чудотворных икон, что позволяет преодолеть традиционный для прежней историографии разрыв между верой «верхов» и «низов» общества. В конечном итоге все эти исследования анализируют особенности формирования русской национальной идентичности (71).

Как заметил в своей обзорной статье П. Верт, исследования «живого православия» – одно из основных достижений и векторов развития историографии 2000-х годов¹. Другое отмеченное им значимое направление – исследование роли и места религии в эпоху модерности (современности), которая обычно характеризовалась как время торжества разума и науки. Считалось, что секуляризация составляет сущность процесса модернизации, в ходе которого религия постепенно оттесняется на обочину публичной жизни и «приватизируется». Исторические исследования показали, что содержание эпохи модерности не сводится к рационалистической и научной модернизации, включающей в себя культ разума, доктрину прогресса, веру в науку и технологии. Ее апогей, конец XIX – начало XX в., на самом деле является временем колоссальной религиозной мобилизации.

Работы историков-русистов демонстрируют активную вовлеченность населения Российской империи в религиозную жизнь в конце XIX – начале XX в., подтверждая жизнеспособность как православия, так и других конфессий и религиозных доктрин (36, 43, 53, 61, 65, 74, 79, 80, 84, 88). Большой интерес представляют работы, посвященные богословской мысли, религиозной философии, наконец, теософии и оккультизму, получившим широкое распространение в эпоху модерности (36, 37, 56, 65, 81, 85). Исследователи отмечают, что важной чертой религиозной жизни в «новые времена» стала ее «феминизация», что было характерно и для Западной Европы (57, 61, 88). В целом же гендерное измерение религиозности используется русистами достаточно активно, в том числе при изучении «высокой» политики (66, 72, 82)².

Еще одно направление, которое обрело к настоящему времени достаточную зрелость, связано с осознанием религиозного раз-

¹ Werth P. Lived Orthodoxy and confessional diversity: The last decade on religion in modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. – Bloomington, 2011. – Vol. 12, N 4. – P. 849–865.

² Подробнее см.: Большакова О.В. История России в гендерном измерении: Современная зарубежная историография / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – 121 с.

нообразия Российской империи. Оно включает в себя работы, посвященные изучению других конфессий, в первую очередь ислама и иудаизма, а также имперской политике по отношению к иноверцам (49, 58, 62, 77, 84, 86 и др.). Кроме того, немалое внимание традиционно уделяется старообрядцам и сектантству (43, 45, 47, 72, 75, 78, 90), однако подходы к их изучению кардинально изменились. В центре внимания многих работ 2000-х годов, посвященных религиозной тематике, лежит проблема формирования русской национальной идентичности в ситуации конфессионального разнообразия. Подавляющее их большинство можно также отнести к направлению «новой имперской истории», рассматривающему многонациональную Россию как один из примеров «континентальной» империи и соответственно помещающему ее в общемировой контекст. Именно это направление и составило основной корпус материалов для настоящего сборника.

* * *

Переходя к характеристике содержания сборника, необходимо заметить, что первоначальное желание отразить весь срез имеющейся литературы по религиозной проблематике оказалось ограничено самой жизнью, прежде всего доступностью научной литературы в современной России, что вывело за рамки целый ряд крайне интересных зарубежных работ. Существенные ограничения наложены и самим жанром изданий ИНИОНа, нацеленных на использование более свежей литературы, поэтому «нижней» границей даты публикации был избран 2007 год. Кроме того, при составлении сборника было принято принципиальное решение не использовать переводную литературу, хотя довольно много зарубежных монографий, затрагивающих тему религии, было переведено на русский язык в последние годы. Помимо соображений, что эти книги и так доступны теперь читателям в полнотекстовом формате и что сама культура реферирования требует обращения к оригиналу, решение это было обусловлено также и крайне неудовлетворительным качеством подавляющего большинства переводов, искажающих первоначальный смысл и намерения авторов.

В результате всех ограничений не удалось представить целый ряд крайне интересных зарубежных работ, в особенности в том, что касается изучения «живого религиозного опыта». За кадром остались и современные исследования Московского периода

(в частности монография Валери Кивельсон «Магия отчаяния»: 60), довольно одностороннее освещение получил императорский период. Почти не затронуты такие, например, темы, как участие церкви в регулировании гражданских отношений или же история христианской мысли (81).

В то же время при отборе литературы играли роль и другие соображения. Некоторые значимые исследования, которые следует признать важными достижениями, не хотелось подвергать сокращению и упрощению, неизбежным при реферировании. Например, сложную, многослойную книгу А.А. Панченко стоит прочитать от корки до корки каждому, кто интересуется религиозной темой (20).

В любом случае, в рамках небольшого сборника невозможно дать полноценную картину активно развивающейся историографии, и наложенные объективными условиями ограничения на доступ к литературе для реферирования сыграли в чем-то и положительную роль: в итоге удалось сосредоточиться на одном направлении, наиболее близком отечественному читателю. Тема религиозного разнообразия стала для сборника стержневой; другая сквозная его тема – политика, которая присутствует не только в двух из четырех разделов, посвященных непосредственно политике государства в религиозной сфере, но и пронизывает большинство представленных в нем материалов. Композиция сборника, таким образом, достаточно условна и вполне допускает не сквозное, а выборочное чтение. Привычный хронологический порядок соблюдался далеко не всегда, поскольку многие работы покрывают большой отрезок времени – с XVII–XVIII вв. до наших дней.

Открывает сборник книга А.В. Кабузана (реферат написан В.С. Коноваловым), в которой дается статистический срез конфессионального состава жителей Российской империи на протяжении 200 лет. Подход автора зарубежные историки назвали бы «имперским»: в книге представлены «успехи христианизации» – процесса, подвергающегося на протяжении последних 20 лет пристальному и критическому изучению. Однако если абстрагироваться от авторской интерпретации данных как неумолимого и победоносного продвижения православия по всей территории империи, цифры сами по себе дают представление о том религиозном разнообразии, которому посвящены последующие материалы.

«Старцы» Ирины Пярт (реферат написан О.В. Большаковой) затрагивают малоизученную тему «харизматической власти» духовных наставников XVIII – начала XX в. и их отношений с официальной Церковью. Это достаточно традиционное исследование

происхождения и эволюции института, который играл исключительно важную роль в истории православия. Под совершенно другим углом в сборнике, составленном на основе полевых исследований отечественных этнологов, филологов и антропологов, освещается старообрядчество (реферат написан Ю.В. Дунаевой). В нем дается картина «живого религиозного опыта» разных толков и направлений старообрядчества, других религиозных практик, развивающихся и в наши дни. Следует особо отметить, что наиболее полное из существующих исследований пермских старообрядцев – книга американского антрополога Д. Роджерса (75). Однако она отсутствует как в нашей стране, так и на бесплатных интернет-ресурсах.

Русскому (именно русскому) католицизму XIX – начала XX в. посвящена работа Е.И. Цимбаевой (реферат З.Ю. Метлицкой), которая дает представление о взглядах и деятельности многих видных мыслителей России. В зарубежной историографии существует монография о духовных исканиях князя И.С. Гагарина (40) и о других проектах создания экуменической церкви. Собственно католицизм затрагивается в книге М.Д. Долбилова, помещенной в следующий раздел, поскольку в центре внимания автора находится политика русификации в Западном крае (реферат О.В. Большаковой). Еще одна, самая весомая в количественном отношении, конфессия – ислам – представлена рефератом О.В. Большаковой на книгу А. Кефели «Стать мусульманином в России». В ней рассматривается проблема реисламизации населения Среднего Поволжья в XIX в. в контексте изучения идентичности татар-кряшен. Завершается раздел рефератом сборника «Священные истории» (подготовлен О.В. Большаковой), который дает представление о религиозном разнообразии Российской империи в эпоху модерности. Фактически, именно модернизация, которая потрясла основы отношений между религией и нацией, привела к беспрецедентному уровню осмысления религиозной веры и практики, пересмотру представлений о самосознании индивида и о самой природе религии.

Второй раздел «Религиозное измерение внутренней и внешней политики Российской империи» открывается обзором О.В. Большаковой, в котором анализируется современная англоязычная историография, посвященная изучению конфессиональной политики государства в XVIII – начале XX в. Автору удалось собрать достаточно представительный корпус монографических исследований этой сложной темы, бо́льшую часть их составляют работы, выполненные в русле «новой имперской истории». Обзор

дополняют рефераты, написанные О.В. Большаковой: книга П. Верта о политике веротерпимости предоставляет крайне полезную информацию об институтах управления иностранными исповеданиями, а уже упоминавшийся здесь труд М.Д. Долбилова раскрывает «механику» бюрократической политики русификации. Внешняя политика представлена исследованием И.Ю. Смирновой о столкновениях России и Великобритании в Святой земле накануне Крымской войны (реферат написан И.Е. Эман) и монографией американки А. Кейн об истории государственного регулирования паломничества в Мекку (хаджа) в Российской империи (реферат О.В. Большаковой).

Раздел о политике по отношению к религии и церкви в атеистическом Советском Союзе включает в себя реферат О.Л. Александри на книгу О.В. Косик «Голоса из России», где дана хроника гонений на Церковь в 1920–1930-е годы, а также реферат З.Ю. Метлицкой на книгу Т. Никольской, посвященную истории существования протестантизма в тисках атеистического государства. Обе работы – пример традиционного «государственнического» подхода, столь характерного для отечественной историографии. Большой интерес представляет реферат, написанный М.М. Минцем на книгу израильского исследователя М. Альтшулера, в которой история формирования еврейской идентичности в СССР в период 1941–1964 гг. рассматривается также в тесной связи с политикой государства.

Завершают раздел два реферата, представляющих нашему читателю вклад современной зарубежной антропологии в изучение религии и политики. Обе книги, как это принято сегодня в антропологических исследованиях, развивают собственную оригинальную концепцию, пытаясь обосновать ее материалом своих полевых исследований. С. Люрман проводила их в Республике Марий Эл, опрашивая бывших лекторов общества «Знание» и других людей, занимавшихся атеистической пропагандой в советское время (реферат написан З.Ю. Метлицкой). Автор выстраивает концепцию «дидактического государства», сложившегося в СССР в 1960–1980-е годы, которое представляет собой иную разновидность секуляризма, отличающуюся от так называемого «секулярного либерального проекта». Буддизм в Бурятии и особенности сакрализации власти в XX–XXI вв. получил освещение в реферате, написанном Д.Д. Трегубовой на книгу американской исследовательницы А. Бернштейн. Здесь также на материале полевых исследований, на этот раз проводившихся в Бурятии, а также в мона-

стырях Тибета и Южной Индии, автором создается собственная концепция, выдвигающая новое понимание религиозной «политики телесности» в ее связи с притязаниями бурят на культурный суверенитет.

Последние три реферата, сгруппированные в раздел «Образы, понятия, категории», посвящены по существу слабо связанным между собой темам. Их объединяет то, что религия затрагивается в них опосредованно, но при этом сами работы имеют существенное значение для последующих исследований религиозной тематики. Это подробная реконструкция истории концепта «двоеверие» в книге англичанки С. Рок (реферат написан О.В. Большаковой), изучение возникновения, эволюции и бытования «историографического образа» Валаамского монастыря, предпринятое финской исследовательницей К. Парппей (реферат написан аспиранткой МГУ Н.С. Такановой) и история этнографической экспедиции в Идишленд (реферат М.М. Минца), которая вводит в научный оборот новый источник, крайне полезный исследователям традиционной еврейской религии и культуры.

Взятые в совокупности, материалы сборника дают хорошее представление о религиозном разнообразии России и СССР, об основных приемах и подходах, применявшихся государством, что вполне возможно окажется полезным в современном обществе, которое в конфессиональном отношении представляет собой все усложняющуюся систему (см., в частности: 34).

Список литературы

1. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России, 1856–1904 гг. – СПб.: Наука, 2003. – 276 с.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи, последняя треть XVIII – начало XX вв. – М.: МПГУБ 2004. – 287 с.
3. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в православной российской церкви начала XX века. Поместный собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. – М.: Духовная библиотека, 2004. – 664 с.
4. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. – М.: Восточная литература, 2002. – 367 с.
5. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 214 с.
6. Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России в первой четверти XIX века. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. – 439 с.

7. Герд Л.А. Константинополь и Петербург: Церковная политика России на православном Востоке, 1878–1898. – М.: Индрик, 2006. – 445 с.
8. Доржиева Г.Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века. – М.: Институт российской истории, 2001. – 181 с.
9. Дорская А.А. Государственное и церковное право Российской империи. – СПб.: Издательство РГПУ им. Герцена, 2004. – 227 с.
10. Загидуллин И. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татарское книжное издательство, 2007. – 415 с.
11. Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 355 с.
12. Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: Эволюция взаимоотношений в первой половине XIX в. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. – 360 с.
13. Лавров А.С. Колдовство и религия в России, 1700–1740 гг. – М.: Древлехранилище, 2000. – 576 с.
14. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. – М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с.
15. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. – М.: Индрик, 2006. – 510 с.
16. Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизаторский проект 1815–1818 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 799 с.
17. Монашество и монастыри в России, XI–XX века. Исторические очерки / Отв. ред. Синицына Н.В. – М.: Наука, 2005. – 346 с.
18. Орлова К.В. История христианизации калмыков, середина XVII – начало XX в. – М.: Восточная литература, 2006. – 207 с.
19. Панкрат Т.В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия). – М., 2011. – 190 с.
20. Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 448 с.
21. Полунов А.Ю. К.П. Победонцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М.: РОССПЭН, 2010. – 374 с.
22. Православие: Конфессия, институты, религиозность, XVII–XX вв. / Под ред. Долбилова М.Д., Рогозного П. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2009. – 280 с.
23. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). – СПб., 2008. – 224 с.
24. Смилянская Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. – М.: Индрик, 2003. – 462 с.
25. Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 304 с.

26. Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века: История императорских православных духовных академий. – М.: Новый хронограф, 2005. – 568 с.
27. Тихомиров А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 353 с.
28. Усманова Д. Мусульманские представители в российском парламенте, 1906–1916 гг. – Казань: Академия наук РТ, 2005. – 584 с.
29. Усманова Д. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: Ваисовский Божий полк староверов-мусульман, 1862–1916 гг. – Казань: Академия наук РТ, 2009. – 568 с.
30. Фёдоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период: 1700–1917. М., 2003. – 480 с.
31. Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 236 с.
32. Цыремпилов Н. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.) – Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. – 338 с.
33. Чимитдоржин Г.Г. Институт пандито хамбо лам, 1764–2004. – Улан-Удэ: Изд-во Буддийского института «Даши Чойнхорлин», 2004. – 188 с.
34. Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Издательство Библейско-Богословского института, 2012. – 302 с.
35. Юрганова И.И. История Якутской епархии (деятельность духовной консистории). – Якутск, 2007. – 159 с.
36. Alter icons: The Russian icon and modernity / Ed. by Gatrall J.J.A., Greenfield D. – University Park: Pennsylvania state univ. press, 2010. – IX, 276 p.
37. Bailey H. Orthodoxy, modernity, and authenticity: The reception of Ernest Renan's *Life of Jesus* in Russia. – Newcastle: Cambridge Scholars Pub., 2008. – XXIII, 342 p.
38. Basil J.D. Church and state in late imperial Russia: Critics of the Synodal system of church government, 1861–1914. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2005. – XII, 216 p.
39. Batalden S. Russian Bible wars: modern scriptural translation and cultural authority. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – VIII, 389 p.
40. Beshoner J.B. Ivan Sergeevich Gagarin: The search for Orthodox and Catholic union. – Notre Dame: Univ. of Notre Dame press, 2002. – XI, 321 p.
41. Birchall Chr. Embassy, emigrants and Englishmen: The three-hundred-year history of a Russian Orthodox Church in London. – Jordanville, New York: Holy Trinity Publications, 2014. – XX, 712 p.
42. Chulos C.J. Converging worlds: Religion and community in peasant Russia, 1861–1917. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2003. – XIV, 201 p.
43. Coleman H.J. Russian Baptists and spiritual revolution, 1905–1929. – Bloomington: Indiana univ. press, 2005. – XI, 304 p.
44. Collis R. The Petrine instauration: religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1724. – Leiden; Boston: Brill, 2012. – XX, 583 p.

45. Crummey R.O. *Old Believers in a changing world.* – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2011. – XIII, 267 p.
46. Dunn D.J. *The Catholic Church and Russia: Popes, patriarchs, tsars, and commissars.* – Aldershot, UK; Burlington, VT: Ashgate, 2004. – X, 260 p.
47. Engelstein L. *Castration and the heavenly kingdom: A Russian folktale.* – Ithaca: Cornell university press, 1999. – XVIII, 283 p.
48. Frede V. *Doubt, atheism, and the nineteenth-century Russian intelligentsia.* – Madison: The univ. of Wisconsin press, 2011. – XIII, 300 p.
49. Friesen A. *In defense of privilege: Russian Mennonites and the state before and during World War I.* – Winnipeg: Kindred Productions, 2006. – XVII, 520 p.
50. Geffert B. *Eastern Orthodox and Anglicans: Diplomacy, theology, and the politics of interwar ecumenism.* – Notre Dame: Univ. of Notre Dame press, 2010. – IX, 501 p.
51. Greene R.H. *Bodies like bright stars: Saints and relics in Orthodox Russia.* – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2010. – XII, 299 p.
52. Hedda J. *His kingdom come: Orthodox pastorship and social activism in revolutionary Russia.* – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2008. – IX, 297 p.
53. Herlinger P. *Working soles: Russian Orthodoxy and factory labor in St. Petersburg, 1881–1917.* – Bloomington: Slavica publishers, 2007. – 290 p.
54. Himka J.-P. *Last Judgment iconography in the Carpathians.* – Toronto: Univ. of Toronto press, 2009. – XXII, 301 p.
55. *Holy foolishness in Russia: New perspectives* / Ed. by Hunt P., Kobets S. – Bloomington: Slavica publishers, 2011. – VIII, 413 p.
56. *A history of Russian philosophy, 1830–1930: Faith, reason, and the defense of human dignity* / Ed. by Poole R., Hamburg G.M. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – XV, 423 p.
57. Kahla E. *Life as exploit: Representations of twentieth-century saintly women in Russia.* – Helsinki: Kikimora publications, 2007. – 308 p.
58. Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: Von den Khanaten und Gemeindebünden zum gihad-Staat.* – Wiesbaden: Reichert, 2005. – XI, 462 S.
59. Kenworthy S.M. *The heart of Russia: Trinity-Sergius, monasticism, and society after 1825.* – Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center press; N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – XV, 528 p.
60. Kivelson V. *Desperate magic: The moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia.* – Cornell univ. press, 2013. – XVIII, 349 p.
61. Kizenko N. *A prodigal saint: Father John of Kronstadt and the Russian people.* – University Park: Pennsylvania state univ. press, 2000. – XIII, 376 p.
62. Kornblatt J.D. *Doubly chosen: Jewish identity, the Soviet intelligentsia, and the Russian Orthodox Church.* – Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, 2004. – XII, 203 p.
63. *Letters from heaven: popular religion in Russia and Ukraine* / Ed. by Himka J.-P., Zayarnyuk A. – Toronto; Buffalo: Univ. of Toronto press, 2006. – VIII, 277 p.
64. Manchester L. *Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia.* – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2008. – XIV, 288 p.
65. Mannherz J. *Modern occultism in late imperial Russia.* – DeKalb: NIU Press, 2012. – X, 275 p.

66. Marker G. Imperial saint: The cult of St. Catherine and the dawn of female rule in Russia. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2007. – XVII, 307 p.
67. Medzibovskaya I. Tolstoy and the religious culture of his time: a biography of a long conversion, 1845–1887. – Lanham, MD: Lexington Books, 2008. – XLIII, 405 p.
68. Miller D.B. Saint Sergius of Radonezh, his Trinity Monastery, and the formation of the Russian identity. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2010. – X, 348 p.
69. Miller M.L. The American YMCA and Russian culture: the preservation and expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. – Lanham: Lexington Books, 2013. – IX, 283 p.
70. Orthodox Christianity in imperial Russia: a source book on lived religion / Ed. by Coleman H.J. – Bloomington: Indiana univ. press, 2014. – XIV, 333 p.
71. Orthodox Russia: Belief and practice under the Tsars / Ed. by Kivelson V.A., Robert H. Greene R.H. – University Park: Pennsylvania state univ. press, 2003. – XII, 291 p.
72. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia. – Manchester: Manchester univ. press, 2003. – X, 257 p.
73. Religion and identity in Russia and the Soviet Union: A festschrift for Paul Bushkovitch / Ed. by Chrissidis N. et al. – Bloomington: Slavica publishers, 2011. – VIII, 276 p.
74. Robson R. Solovki: The story of Russia told through its most remarkable islands. – New Haven: Yale univ. press, 2004. – XVI, 302 p.
75. Rogers D. The old faith and the Russian land: A historical ethnography of ethics in the Urals. – Ithaca: Cornell univ. press, 2009. – XVII, 338 p.
76. Roslof E. Red priests: Renovationalism, Russian Orthodoxy, and revolution 1905–1946. – Bloomington and Indianapolis: Indiana univ. press, 2010. – 259 p.
77. Rubin D. Holy Russia, sacred Israel: Jewish-Christian encounters in Russian religious thought. – Brighton, Mass.: Academic studies press, 2010. – 558 p.
78. Russia's dissident Old Believers, 1650–1950 / Ed. by Michels G.B., Nichols. R.L. – Minneapolis: Univ. of Minnesota, Modern Greek Studies, 2009. – 316 p.
79. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the eve of revolution. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – XIV, 358 p.
80. Steinberg M.D. Proletarian imagination: Self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. – Ithaca: Cornell univ. press, 2002. – XIII, 335 p.
81. Thinking Orthodox in modern Russia: Culture, history, context / Ed. by Michelson P.L., Kornblatt J.D. – Madison, Wisconsin: The univ. of Wisconsin press, 2014. – XII, 303 p.
82. Thyrêt I. Between God and tsar: Religious symbolism and the royal women of Muscovite Russia. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2001. – XVI, 275 p.
83. The Trinity Saint Sergius Lavra in Russian history and culture / Ed. by Tsurikov V. – Jordanville: Holy Trinity seminary press, 2005. – 356 p.
84. Tuna M. Imperial Russia's Muslims: Islam, empire and European modernity, 1788–1914. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – XIII, 276 p.
85. Valliere P. Modern Russian theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov: Orthodox theology in a new key. – Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 2000. – X, 443 p.
86. Vulpius R. Nationalisierung der Religion: Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung, 1860–1920. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. – 475 S.

87. Wirtschafter E.K. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The teachings of Metropolitan Platon. – DeKalb: NIU Press, 2013. – X, 193 p.
88. Worobec C.D. Possessed: Women, witches, and demons in imperial Russia. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2001. – XV, 288 p.
89. Wynot J.J. Keeping the faith: Russian Orthodox monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. – College Station: Texas A&M univ. press, 2004. – 235 p.
90. Zhuk S.I. Russia's lost Reformation: Peasants, millennialism, and radical sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. – Wash.: Woodrow Wilson Center Press, 2004. – XX, 457 p.
91. Zitser E.A. The transfigured kingdom: Sacred parody and charismatic authority at the court of Peter the Great. – Ithaca: Cornell univ. press, 2004. – XII, 221 p.